

Говард Филлипс Лавкрафт

Чокнутый старик

(Old Bugs)

*Краткое сентиментальное повествование Марка
Лоллия, проконсула Галлии*

Бильярдную комнату Шихана, служащую достопримечательностью одной из самых маленьких улиц в самом центре района скотобоев в Чикаго, вряд ли можно назвать очаровательным местечком. Ее атмосферу, отягощенную тысячами ароматов, таких, например, как запах колриджского одеколона, слишком редко пронизывают благотворные лучи солнца. Здесь ведут борьбу за пространство тяжелые клубы резко пахнущих дымов от бесчисленных сигарет, исходящие от грубых ртов множества человекоподобных животных, которые днюют и ночуют в этом притоне. Популярность Шиханской бильярдной остается непоколебимой; и тому есть причина – причина, очевидная любому, кто взял бы на себя смелость проанализировать преобладающие здесь комбинации отвратительных зловоний. Над духотой и витающими в воздухе мерзкими миазмами господствовал запах, некогда распространенный по всей земле, а ныне, к счастью, изгнанный, согласно распоряжению мудрого правительства в глухие закоулки жизни, – сильный запах дешевого виски, драгоценной разновидности запретного плода в благословенном 1919 году.

Бильярдный клуб Шихана является признанным центром подпольной торговли ликерами и наркотиками в Чикаго, что, в некотором смысле, придает определенное достоинство даже ее оборванным завсегдатаям. Но недавно тут появился человек, опустившийся ниже пределов этого достоинства – человек, вобравший в себя все убожество и всю мерзость клуба, но не его значимость. Его прозвали Чокнутый Старик, и он имел самую дурную репутацию в этой ничтожной среде. Многие гадали о том, кем он был в прошлом, ибо его произношение и манера речи, изрядно испорченные со временем, тем не менее, порою вызывали исключительное изумление. Но определить, чем он стал, составляло гораздо меньшую сложность, поскольку Чокнутый Старик в превосходной степени выражал собой самый жалкий тип, известный как «бездельник» и «бродяга». Каким образом он попал в клуб, никто не знал. Однажды ночью он вдруг ворвался в бильярдную с пеной на губах и громко потребовал виски и гашиш. Получив желаемое в обмен на обещание выполнять всякую черную работу, с тех пор он постоянно расхаживал по помещению, подтирая пол шваброй, начищая пепельницы и стаканы и выполняя сотни подобных обязанностей уборщика, наградой чему служили выпивка и наркотики, которые были необходимы ему для поддержания жизни и рассудка.

Он не был словоохотлив и говорил, как правило, на общепринятом у преступников жаргоне; но иногда, возбуждаемый необычно щедрым угощением дешевого виски, взрывался потоками непостижимого красноречия, обрывками высокопарной риторики в поэтической и прозаической форме, что вызвало предположение о том, что в его жизни бывали лучшие дни. Один из частых

клиентов клуба – скрывающийся от закона растратчик банковских средств – стал довольно регулярно беседовать с ним, и по тону его рассуждений рискнул высказать мнение о том, что Чокнутый Старик некогда был писателем или профессором. Но единственным надежным ключом к прошлому Старика служила выцветшая фотография, которую он постоянно носил с собой – фотография молодой женщины с величавыми аристократичными чертами лица. Порой он доставал это изображение из своего рваного кармана, аккуратно разворачивал обертку из тонкой тисненой бумаги и часами разглядывал его с выражением неопишуемой печали и нежности. Естественно, обитателям притона было невдомек, кто изображен на фотографии; это был портрет леди очаровательной внешности и, несомненно, знатного происхождения, одетой в изящное платье покроя тридцатилетней давности. Чокнутый Старик, кажется, и сам имел достойное прошлое, поскольку его трудноопределимая одежда по-прежнему несла печать былой роскоши. В нем было, пожалуй, больше шести футов росту, хотя его сутулые плечи часто искажали этот факт. Волосы, грязные и свалывшиеся в уродливые пряди, давно не соприкасались с расческой, а на узком лице выросла запущенная жесткая щетина, которая, казалось, всегда оставалась в одном и том же колючем состоянии – он никогда не брился и никогда не обрастал длинной бородой, что, таким образом, никогда не препятствовало порядочному глотку виски. Его лицо, возможно, когда-то имело благородные черты, но сейчас было изборождено жуткими следами чудовищной деградации. Очевидно, в какой-то момент – возможно, в середине жизни – он безобразно растолстел; но теперь выглядел ужасно худым, и багровые складки кожи свободно свисали мешками под его затуманенными глазами и на щеках. Воистину, Чокнутый Старик был не из тех людей, на кого приятно смотреть.

Характер Чокнутого Старика был столь же странным, как и его внешний вид. Обычно он являл собой тип заурядного изгоя и дегенерата, готовый сделать все, что угодно, ради нескольких центов или порции виски и гашиша. Но в редкие промежутки времени он демонстрировал такие особенности, благодаря которым и получил свое прозвище. В эти минуты он пытался выпрямиться, и тогда возвышенный огонь вспыхивал в его впалых глазах. Его манера вести себя приобретала черты выдающейся грации и уверенности; жалкие существа вокруг него начинали ощущать в нем явное превосходство – нечто, не дававшее им оскорблять бедного слугу традиционными пинками и тычками. В такие периоды он выказывал сардонический юмор и отпускал замечания, которые население Шиханской бильярдной считали дурацкими и бессмысленными. Но колдовские приступы скоро проходили, и Чокнутый Старик возвращался к извечному натиранию полов и чистке пепельниц. Но одна вещь делала Старика идеальным работягой – и эта вещь заключалась в его поведении в те моменты, когда молодые люди приходили сюда в первый раз, чтобы выпить. Старик в гневе и волнении бросал швабру и ведро, бормоча предупреждения и ругательства. Он искал способы отговорить беспутных новичков от приобщения к дурной привычке, угрожая им проклятьем «увидеть жизнь такой, какова она есть на самом деле». Он шумел и галдел, раздражаясь высокопарными увещеваниями и странными клятвами. Казалось, его оживляет какая-то пугающая серьезность, приводившая в трепет не одно изнуренное наркотиками сознание в переполненной комнате. Но спустя некоторое время его отравленный алкоголем мозг терял ориентацию в мыслях, и с идиотской усмешкой он снова брался за швабру или щетку.

Едва ли кто-то из регулярных посетителей бильярдного клуба сможет когда-либо забыть тот день, когда сюда пришел молодой Альфред Тревер. В самом деле, это была примечательная личность – богатый и энергичный юноша, который достигал высшего предела во всем, за что ни брался (по крайней мере, таково было категорическое убеждение Пита Шульца, «добытчика клиентов» для Шихана, познакомившегося с юношей в Лоуренс-Колледже, расположенном в маленьком городке Эпплтон в штате Висконсин). Тревер был сыном именитых родителей. Его отец, Карл Тревер, служил прокурором округа и являлся почетным гражданином города, в то время как его мать завоевала почетную репутацию, будучи поэтессой. Стихи она подписывала своим девичьим именем – Элеанора Винг. Сам Альфред был студентом и снискавшим известность поэтом, хотя нередко страдавшим от некоторой степени ребяческой безответственности, делавшей его идеальной жертвой для Шиханского охотника за клиентурой. Привлекательного и избалованного блондина переполняло желание испробовать разные виды пороков, о которых он много читал и слышал. В Лоуренсовском колледже Альфред Тревер приобрел популярность в шутовском братстве «Бочонок Таппа Таппа», где он был самым необузданным и веселым среди самых буйных молодых гуляк. Однако незрелая студенческая ветреность не удовлетворяла его. Из книг он узнал о гораздо более впечатляющих грехах и теперь твердо намеревался испытать их на себе. Возможно, это стремление к разврату каким-то образом стимулировалось тем подавлением, которому он подвергался дома, ибо его мать имела особенную причину воспитывать своего единственного ребенка с непоколебимой строгостью. В годы своей юности миссис Тревер пережила глубокое чувство ужаса перед нравственным падением – событием, о котором она часто вспоминала.

Молодой Гальпин, в недавнем прошлом счастливый жених, являлся одним из наиболее примечательных уроженцев Эпплтона. Его отличительным признаком был удивительный интеллект, ставший причиной его колоссального авторитета в Университете Висконсина. В возрасте двадцати трех лет он вернулся в Эпплтон, чтобы занять профессорскую должность в Лоуренс-Колледже. В скором времени он надел кольцо с бриллиантом на пальчик самой очаровательной и красивой девушки Эпплтона. До поры до времени их отношения протекали безмятежно, и ничто не предвещало грозовой вспышки. Дурные привычки, рожденные первым глотком алкоголя, таились в недрах его души, усыпленные изолированной жизнью в окруженном лесами городке. Однако спустя некоторое время они все же раскрылись в молодом профессоре. Только путем поспешного отказа от кафедры Гальпин избежал мучительного расследования того, как он тлетворно повлиял на образ жизни и нравственный облик учеников. Его помолвка распалась, и Гальпин уехал на восток, чтобы начать новую жизнь; но вскоре до жителей Эпплтона дошел слух о его позорном увольнении из Нью-йоркского университета, где он работал преподавателем английского. Все свое время Гальпин проводил в библиотеке и на лекторской кафедре, готовя научные материалы и лекции на различные темы, касающиеся *belles lettres* (беллетристики). Он всегда демонстрировал столь выдающуюся гениальность, что казалось, будто публика должна простить ему прошлые ошибки. Его страстные речи в защиту Виллона, По, Верлена и Оскара Уайльда были в равной мере применимы к нему самому, и в течение короткой золотой осени его славы люди поговаривали о новой помолвке в респектабельном особняке на Парк-Авеню. Но затем последовал удар. Окончательное бесчестье, в сравнении с которым предыдущие были ничем, вдребезги разбило иллюзии тех, кто

поверил в возрождение Гальпина. Молодой ученый навсегда лишился доброго имени и исчез из поля зрения общества. Возникавшие временами слухи связывали его с неким «Консулом Гастингом», чья работа на театры и киностудии привлекала определенное внимание своей широкой эрудицией и научной глубиной. Однако Гастинг вскоре пропал с глаз публики, и Гальпин стал всего лишь нарицательным именем для родителей в их поучительных рассказах. Элеанор Винг вскоре отпраздновала свадьбу с молодым адвокатом Карлом Тревером, делающим стремительную карьеру. А об ее бывшем поклоннике остались только воспоминания, положенные в основу воспитания ее единственного сына – нравственное руководство для этого обаятельного и в то же время упрямого юноши. Сейчас, вопреки этому руководству, Альфред Тревер находился в Шиханском клубе, на пороге своего первого глотка виски.

– Босс, – закричал Шульц, войдя в пропитанную зловонием комнату вместе со своей юной жертвой, – встречай моего друга Эла Тревера, самого лучшего парня в Лоуренсе – это в Эпплтоне, у нас в Висконсине, как ты знаешь! Славный малый, скажу тебе. Его отец – большая шишка в адвокатской конторе, а мать – прямо-таки талант. Он хочет повидать жизнь такой, какова она есть – хочет знать, каков на вкус подлинный огненный сок. Так что просто запомни, что он мой друг и можешь вполне доверять ему.

Как только в гнусном воздухе клуба прозвучали имя Тревера и названия Лоуренс и Эпплтон, облепивший помещение сброд почувствовал нечто странное. Возможно, это был лишь какой-то необычный стук шаров на бильярдном столе, или звон стаканов, извлеченных из тайника в задней части дома – возможно, лишь это, а также причудливый шелест грязных занавесок на единственном тусклом окне. Но в эту минуту многим показалось, что кто-то в клубе скрежещет зубами и издает тяжелые вздохи.

– Рад познакомиться с вами, Шихан, – сказал Тревер учтивым тоном. – Это мой первый визит в подобное заведение, но я учусь жизни и не хочу пропустить любую форму опыта. Вы знаете, в таких вещах есть какая-то поэзия – хотя, возможно, вы и не знаете, но это не важно.

– Молодой человек, – отвечал владелец клуба – вы пришли в правильное место, чтобы увидеть жизнь. У нас здесь есть все, что нужно – веселая жизнь и отличное время. Проклятое правительство может пытаться навязывать людям все, что угодно, но ему не удастся остановить парней, когда те хотят взбодриться и развлечься. Все, что пожелаете, дружище – выпивка, кола или что-нибудь из наркотиков? Вы найдете здесь все, что придет вам в голову.

Завсегдатаи притона говорят, что именно в этот момент они заметили паузу в регулярных, монотонных шорохах швабры.

– Я хотел бы виски – старый добрый напиток изо ржи! – с энтузиазмом заявил Тревер – Честно говоря, мне порядком надоела обычная вода после чтения о лихих запоях, которым предавались мужчины в былые времена. Я уже не могу читать анакреонтические стихи без того, чтобы смочить горло – а мои уста нуждаются в чем-то покрепче, нежели вода!

– Анакреонтические – это еще что за дьявольщина? – несколько пьяниц воззрились на юношу, готовившегося скатиться к ним в бездну. Но беглый растратчик банковских денег объяснил им, что Анакреонт – это старый бабник, который жил много лет назад и писал о получаемых им удовольствиях, когда весь мир был подобен Шиханскому клубу.

– Послушайте, Тревер, – продолжил бывший банковский клерк, – Шульц говорил, что ваша мать вроде бы имеет отношение к литературе, не так ли?

– Да, черт возьми – отвечал Тревер, – но она и в подметки не годится старику Тейяну! Она одна из тех скучных, вечных моралистов, которые пытаются изгнать из жизни все радости. Такой сорт сентиментальности – слышали когда-нибудь о ней? Она пишет под своим девичьим именем Элеанра Винг.

В то же мгновение Чокнутый Старик уронил свою швабру.

– Что ж, а вот и ваш заказ, – весело провозгласил Шихан, когда в комнату вкатили тележку с бутылками и стаканами. – Старый добрый напиток, самый горячий, какой вы только можете найти в Чикаго.

Глаза юноши вспыхнули, а ноздри задрожали, ощутив аромат коричневатой жидкости, которую слуга налил в его стакан. Она ужасно преобразила его, сорвав всю врожденную деликатность. Сохранялась только его решимость испробовать жизнь до конца, и он уверенно потянулся вперед. Но прежде чем осуществилось его намерение, произошло неожиданное событие. Чокнутый Старик, распрямившийся из своей обычного склоненного положения, в котором он пребывал до настоящего момента, подскочил к юноше и выхватил из его рук поднятый стакан, почти одновременно с этим набросившись на поднос с бутылками со своей шваброй, так что все его содержимое оказалось опрокинутым вниз. Осколки бутылок и бокалов беспорядочно рассыпались по полу посреди растекающейся душистой жидкости. Несколько людей, или существ, которые были людьми, попадали на пол и принялись ползать на коленях в лужах разлитого виски, но большинство оставались недвижимыми, наблюдая за беспрецедентным поступком жалкого уборщика. Чокнутый Старик встал перед изумленным Тревером и мягким, вежливым тоном произнес: «Не делайте этого. Когда-то я был таким же, как вы, и сделал это. Теперь я похож на... это».

– Что ты имеешь в виду, чертов старый глупец? – выкрикнул Тревер. – Чего ты добиваешься, мешая джентльмену получить удовольствие?

Шихан, уже пришедший в себя после первоначального шока, подошел к разговаривающим и положил тяжелую руку на плечо старого слуги.

– Мое терпение лопнуло, кретин! – яростно воскликнул он. – Когда джентльмен хочет получить здесь выпивку, черт возьми, он получит ее без твоего вмешательства. А теперь убирайся отсюда к дьяволу, пока я пинками не выгнал тебя в ад!

Но Шихан не имел никаких научных познаний в сфере аномальной психологии и эффектов нервных побуждений. Чокнутый Старик, крепче сжав в руках швабру, начал размахивать ею, как македонский воин копьем, и вскоре расчистил

порядочное пространство вокруг себя, издавая всевозможные бессвязные звуки и крики, среди которых различалось: «...дети Ваала, отродье грязи и вина...»

Комната превратилась в обитель демонов; люди вопили и выли в ужасе перед жутким существом, с которым они столкнулись. Тревер, казалось, был ошеломлен и смятен случившимся. Он медленно отползал к стене по мере того, как усиливалась драка. «Он не должен пить! Он не должен пить!» – ревел Чокнутый Старик, который, похоже, стал исчерпан – или утратил вовсе – запас выражений. У входа в клуб появились полицейские, привлеченные шумом, но некоторое время не предпринимали никаких действий. Тревер, совершенно сломленный ужасом и полностью избавившийся от своего желания познать жизнь посредством удовлетворения порочных интересов, приблизился к облаченным в синюю униформу пришельцам. Если ему удастся сбежать отсюда и успеть на поезд до Эплтона, размышлял юноша, он будет считать свое образование в области распутства оконченным.

Затем Чокнутый Старик вдруг перестал размахивать своим оружием и застыл в неподвижности – выпрямившись столь статно, каким его прежде никогда не видели посетители клуба. Ave, Caesar, moriturus te saluto! – выкрикнул он и рухнул на залитый виски пол для того, чтобы более уже не подняться.

Последующие впечатления никогда не покинут сознание Тревера. Их образ померкнет, превратится в расплывшееся пятно, но не сотрется полностью. Полисмены проделывали путь сквозь толпу, расспрашивая всех, кто находился как в центре происшествия, так и рядом с мертвым телом. Шихан был подвергнут особенно тщательному допросу, однако от него не удалось добиться какой-либо значимой информации, касающейся Чокнутого Старика. Затем банковский служащий вспомнил о фотографии и предложил изучить ее в полицейском участке с целью идентификации. Офицер неохотно наклонился над омерзительной фигурой, чьи глаза уже остекленели, и спустя пару секунд отыскал завернутую в тисненую бумагу карточку, которую передал по кругу, чтобы все рассмотрели изображение.

– Какая цыпочка! – один из пьяных дегенератов с вожделием уставился на прекрасное лицо, но те, кто был трезвее, воздержались от замечаний, с уважением и смущением созерцая изящные одухотворенные черты. Никто не смог опознать изображенную на фотографии даму, и все удивлялись тому, что вконец деградировавший от наркотиков изгой хранил этот портрет с такой бережностью – все, кроме беглого банкира, который, между тем, с большой тревогой поглядывал на синие мундиры. Пожалуй, только он видел немного глубже под маской крайней деградации Чокнутого Старика.

Затем фотография достигла Тревера, и на его лице последовательно сменились разные эмоции. Едва взглянув на карточку, он обернул тисненное покрытие вокруг портрета, словно желая защитить его от уродливого, ничтожного окружения. Затем он долго и внимательно всматривался в лежащее на полу тело, отмечая огромный рост и признаки аристократических свойств в его внешности, которые, казалось, проступили именно теперь, после того, как погасло пламя нечестивого существования. Нет, в сердцах вымолвил Тревер, он не знает, кто изображен на

фотографии. И добавил: «она такая старая, что нечего и надеяться, что кто-то сможет узнать на ней леди».

Но Альфред Тревер скрыл правду, как догадались многие, когда он предложил похоронить несчастного в Эплтоне. Там, в его домашней библиотеке висит точная копия этого портрета, и всю свою жизнь он знал и любил ту, что изображена на ней.

Ибо благородные и величественные черты принадлежали его собственной матери.

*Перевод: Борис Лисицин
2006 год*